

**Судебную коллегия по уголовным делам
Верховного Суда РФ**

Осужденного
Поносова Александра Михайловича,
1966 г.р.
Пермский край, Верещагинский р-н, с.
Сепыч,
ул. ***, ***

Надзорная жалоба

Приговором Верещагинского районного суда от 07.05.2007г. (дело №1-93, судья В.Ф.Тиунова) я признан виновным в совершении преступления предусмотренного ст. 146 ч. 2, и мне назначено наказание в виде штрафа 5 тысяч рублей в доход государства.

Кассационным определением Пермского краевого суда от 14.06.2007г. моя кассационная жалоба оставлена без удовлетворения (дело №22-3679/2007, председательствующая Е.Н.Мехоношина, судьи Боталов М.П., Фирсов А.Л.). Приговор суда вступил в законную силу 14.06.2007г.

В удовлетворении моей надзорной жалобы о пересмотре приговора Верещагинского районного суда Пермского края от 7 мая 2007 года и определения судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 14 июня 2007 года мне отказано (дело № 4-у-5993, судья Л.Ф.Крюкова). Материалы уголовного дела на проверку затребованы не были.

Я не согласен с данными судебными актами по следующим основаниям.

В уголовном деле нет ни одного бесспорного и допустимого доказательства, предъявленного обвинением, на основании которого судом может быть установлена виновность подсудимого в уголовном деянии. Судами существенно нарушены нормы уголовно-процессуального закона, неправильно применен уголовный закон, выводы суда, изложенные в судебных актах, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

1. Неправильное применение уголовного законодательства.

Согласно приговору Верещагинского районного суда от 7.05.2007 мне, инкриминируется, что при исполнении обязанностей директора школы я «в период с 25 мая по 22 августа 2006 года **незаконно ввёл в оборот и использовал** при осуществлении деятельности учебного заведения следующие программы для ЭВМ, авторские права на которые принадлежат корпорации «Майкрософт».

Обвинением и судом допущена тавтология «**незаконно ввёл в оборот и использовал**», для подтверждения этого достаточно обратиться к действующему законодательству.

Статья 146 УК РФ Нарушение авторских и смежных прав

2. Незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере,

-
наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Закон РФ N 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» ст.4.

воспроизведение программы для ЭВМ или базы данных - это изготовление одного или более экземпляров программы для ЭВМ или базы данных в любой материальной форме, а также их запись в память ЭВМ;

распространение программы для ЭВМ или базы данных - это предоставление доступа к воспроизведенной в любой материальной форме программе для ЭВМ или базе данных, в том числе сетевыми и иными способами, а также путем продажи, проката, сдачи внаем, предоставления взаймы, включая импорт для любой из этих целей;

выпуск в свет (опубликование) программы для ЭВМ или базы данных - это предоставление экземпляров программы для ЭВМ или базы данных с согласия автора неопределенному кругу лиц (в том числе путем записи в память ЭВМ и выпуска печатного текста), при условии, что количество таких экземпляров должно удовлетворять потребности этого круга лиц, принимая во внимание характер указанных произведений;

использование программы для ЭВМ или базы данных - это **выпуск в свет, воспроизведение, распространение и иные действия по их введению в хозяйственный оборот** (в том числе в модифицированной форме). Не признается использованием программы для ЭВМ или базы данных передача средствами массовой информации сообщений о выпущенной в свет программе для ЭВМ или базе данных.

В российской юридической практике принято следующее гражданско-правовое выражение экономического (хозяйственного) оборота –

гражданский оборот, т.е. переход материальных и нематериальных благ от одного лица к другому лицу на основе заключаемых участниками гражданского оборота сделок или в силу иных юридических фактов.

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Сепычëвская средняя общеобразовательная школа», руководителем которого я являлся, в введении в гражданский оборот контрафактных экземпляров программ для ЭВМ никаким образом не участвовало.

В ходе судебных разбирательств была восстановлена цепочка перехода прав собственности на данное оборудование: ООО «Инстар Технолоджи» (изготовитель ПК) – ЧП Евдокимов С.Ф. (субподрядчик строительства) – ООО «Сатурн» (генеральный подрядчик) – Управление капитального строительства Пермской области (заказчик) – департамент по управлению имуществом Пермской области – комитет по управлению имуществом Верещагинского муниципального района (с июня 2007 года).

Компьютеры, фигурирующие в деле, были поставлены в школу летом 2005 года, так что о введении в оборот контрафактных программ **« с 25 мая по 22 августа 2006 года»** не может быть и речи, закупка их и передача заказчику происходила за год до того.

Компьютеры поступили с **предустановленными** программами, готовые к работе, о чем свидетельствовали учитель информатики К*** и обвиняемый. Однако суд принял за аксиому утверждение директора ООО «Инстар Технолоджи», производителя ПК, о том, что установка контрафактных программ на данной фирме невозможна в силу жесткого контроля. Хотя до этого представитель потерпевшего А.В.Потапов заявлял в суде, что **в связи с данным делом** сотрудник ООО «Инстар Технолоджи», *«который реализовал при производстве проверочной закупки компьютеры с предустановленными программами, получил наказание в размере 10 тысяч рублей штрафа».*

В данном случае по смыслу закона наказан должен быть тот, кто без договора с правообладателем изготовил экземпляры программ для ЭВМ, т.е. записал их на жесткие диски компьютеров (воспроизведение), продал и поставил в школу (распространение), тем самым произвел **действия по введению в гражданский оборот**. Но поскольку ни на стадии следствия, ни в суде не удалось установить виновное лицо, обвинение возлагает ответственность за нарушение авторских прав на конечного пользователя – школу.

Исходя из логики приговора Верещагинского суда, человек, который купил бутылку поддельной минеральной воды и отравился, никак не потерпевший, его надо привлечь к ответственности за употребление контрафактной продукции. Если таким образом бороться с преступностью, то, получается, для искоренения наркомании нужно пересажать всех наркоманов. Абсурд!

Суд вменяет в вину директору школы использование контрафактных программ для обеспечения учебного процесса, причем использование в бытовом смысле, т.е. пользование учениками и преподавателями результатов **функционирования** программ. Данная трактовка термина «использование» явно не подходит под *«действия по введению в хозяйственный оборот».*

В соответствии с п. 6 Постановления ВС РФ от 9 июля 1993 года ""О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "Об авторском праве и смежных правах", до принятия соответствующих правовых актов Российской Федерации и приведения законодательства Российской Федерации в соответствие с Законом Российской Федерации "Об авторском праве и смежных правах" законодательство Российской Федерации и бывшего Союза ССР применяется постольку, поскольку оно не противоречит указанному Закону.

В связи с этим считаю, что при определении того, какие действия являются использованием программы для ЭВМ как объекта авторского права, необходимо применять исчерпывающий перечень, данный в статье 16 закона "Об авторском праве и смежных правах", а не открытый, содержащийся в ст. 10 закона "О правовой охране программ для ЭВМ..."

Суд при вынесении приговора счел, что при работе компьютера происходит **воспроизведение** программы, поскольку в памяти ЭВМ фактически создается ее копия. Основой для данного утверждения послужило мнение не технического специалиста, а представителя потерпевшей (заинтересованной) стороны.

Считаю, что в данном случае суд неверно трактовал понятие "воспроизведение". В соответствии с законом оно представляет собой *"изготовление одного или более экземпляров произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- и видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного или более экземпляров двумерного произведения и в двух измерениях - одного или более экземпляров трехмерного произведения; запись произведения в память ЭВМ также является воспроизведением"*.

В данном случае суд пользовался расширенным толкованием понятия "запись в память", трактуя "память ЭВМ" как так называемую "оперативную память", в которую программа при работе переписывается с НЖМД. Однако, в законе под "памятью ЭВМ" понимаются все **носители** памяти, независимо от их вида.

В статье 25 закона "Об авторском праве..." при перечислении правомочий лица, правомерно владеющего экземпляром программы для ЭВМ в их состав включено право "осуществлять любые действия, связанные с функционированием программы для ЭВМ или базы данных в соответствии с ее назначением, в том числе запись и хранение в памяти ЭВМ". Таким образом, из текста статьи видно, что "функционирование" программы, то есть её работа, и запись ее в память ЭВМ -- это разные вещи.

В то же время само функционирование программы в статье 16 закона "Об авторском праве..." не упоминается, в перечне исключительных прав автора на использование произведения не включено, то есть, оно не относится к способам использования произведения, и, следовательно, авторские права нарушать не может.

Нужно отметить, что функционирование не включается в перечень исключительных прав на произведение и в ст. 1270 ч. 4 Гражданского Кодекса РФ, здесь же уточняется понятие «воспроизведение»:

2. *Использованием произведения независимо от того, совершаются ли соответствующие действия в целях извлечения прибыли или без такой цели, считается, в частности:*

1) *воспроизведение произведения, то есть изготовление одного и более экземпляра произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- или видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного и более экземпляра двухмерного произведения и в двух измерениях одного и более экземпляра трехмерного произведения. При этом запись произведения на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ, также считается воспроизведением, кроме случая, когда такая запись является временной и составляет неотъемлемую и существенную часть технологического процесса, имеющего единственной целью правомерное использование записи или правомерное доведение произведения до всеобщего сведения;*

Таким образом, согласно действующего законодательства, функционирование на компьютере программы без договора с правообладателем, не является нарушением авторских прав и под действие ст. 146 УК РФ не попадает.

Следовательно, вывод суда о том, что во вверенном мне учреждении были совершены преступные деяния в корне ошибочен.

2. Субъект преступления.

Если поверить утверждению прокуратуры, что в стенах школы совершено преступление, то абсолютно непонятно, почему обвинение в незаконном использовании программных продуктов предъявляется директору школы.

Ни в каком правовом документе (должностной инструкции, Уставе школы, трудовом договоре) директору школы не вменяется в обязанность непосредственно контролировать соблюдение законности использования программ для ЭВМ.

С другой стороны, данные функции прописаны в должностных инструкциях специалистов, обладающих специальными познаниями. Тем не менее, учитель информатики *** в чьем ведении находится кабинет информатики, в материалах дела значится как свидетель, а заместителя директора по информатизации *** правосудие просто проигнорировало. Хотя они были ознакомлены под роспись с приказом, запрещающим незаконное использование программных продуктов.

Сторона обвинения объясняет выбор обвиняемого тем, что руководитель отвечает за соблюдение законодательства во вверенном ему учреждении. Исходя из этой логики можно сделать заключение, что директор школы также будет нести ответственность за то, что, например, учитель (библиотекарь) передал ученику, а он прочитал контрафактную книгу

(учебник), или повар школьной столовой засыплет в чай вместо сахара подsunутую поставщиком отраву.

Для дисциплинарной ответственности это утверждение верно, однако ответственность уголовная статьей 146 УК РФ возлагается на конкретное лицо, допустившее нарушение авторских прав. Даже в том случае, если бы в моей должностной инструкции на меня возлагалась обязанность контролировать "лицензионную чистоту" установленных в школе программ, то ответственность за нарушение инструкции могла быть только дисциплинарной. А уголовно-правовые последствия деяния, в соответствии с ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса, могут устанавливаться только им самим.

Должностные инструкции на определение виновности могут влиять только в некоторых случаях, когда об этом прямо указано в кодексе, например, при нарушении правил охраны труда (ст. 143 УК РФ).

Следовательно, в отношении меня вынесен приговор за преступление, которого я не совершал и не мог совершить, т.к. в соответствии с нормами Российского уголовного законодательства, я не являюсь субъектом преступления, предусмотренного статьей 146 УК РФ.

3. Состав преступления.

Ни обвинение, ни суд не установили, какие противоправные деяния (бездействие) были совершены мной (другими участниками образовательного процесса).

Согласно приговору суда в период с 25 мая по 22 августа в компьютерном классе использовались 12 программ Windows XP Pro и 12 программ Microsoft Office XP Pro. Даже если допустить расширенную юридическую трактовку понятия «использование», то всё равно **выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам дела**, установленным во время предварительного и судебного следствия.

Доводы о том, что программное обеспечение корпорации Microsoft использовалось для сдачи экзаменов, проведения курсов преподавателей не достоверны, противоречивы, основаны на домыслах.

Запрета прокуратурой на использование персональных компьютеров в целом не было. Приказа, разрешающего использовать нелицензионные программы Microsoft, я не издавал.

Согласно свидетельским показаниям в кабинете информатики в этот период **использовались компьютеры**, но ни один из свидетелей не смог уточнить, какое именно функционировало программное обеспечение, сколько работало компьютеров.

Программно-техническая экспертиза информации об использовании нелицензионного программного обеспечения в данный период не представила.

Других доказательств, что в указанный период ученики, преподаватели пользовались именно программами корпорации «Майкрософт», в деле нет,

напротив подсудимый, свидетель *** (учитель информатики) сообщали суду, что для обучения использовались только специальные школьные учебные программы.

Так экзамен по информатике за курс основной школы сдавали 3 ученика. Неужели они при выполнении практического задания пользовались 12 компьютерами? К тому же практические задания к выбранным билетам не предусматривали работу с ПО Microsoft.

На наш взгляд, выводы суда об использовании нелицензионных программ в школе – свидетельство монопольного положения корпорации Microsoft на российском рынке программного обеспечения, которое, в свою очередь, породило мифы о том, что компьютер не может работать без запуска операционной системы Windows, что текст можно набрать только в программе Microsoft Word и т.д.

4. Умысел на совершение преступления.

Статья 8 УК РФ определяет умысел через психологические понятия сознания, предвидения и желания: субъект сознает общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидит его общественно опасные последствия и желает их (прямой умысел) или сознательно допускает (косвенный умысел) наступление этих последствий.

Ни обвинением, ни судом не установлены какие действия (без действия) умышленно совершил (не совершил) А.М.Поносов, что они повлекли опасные для общества последствия.

Я давал показания суду, что не владел способами и правилами определения, является ли ПО контрафактным. Считал, что собственник (Управление капитального строительства Пермской области) поставляет имущество в школу в надлежащем состоянии. Документы на имущество (в том числе накладные) поступили только в период судебного заседания, на баланс школы имущество передавалось уже после судебных разбирательств.

Также у меня не было оснований не доверять производителю поставленных системных блоков, т.к. ООО «Инстар Технолоджи», являясь официальным партнером корпорации Microsoft, по определению обязано поставлять компьютеры с предустановленным ПО данной компании.

Кроме этого, в период следствия была назначена экспертиза для определения "признаков контрафактности" программ. Таким образом, следователь исходил из того, что для ответа на этот вопрос требуются специальные познания, которыми может обладать только эксперт.

Разумеется, у меня таких познаний нет, и знать о том, что программы являются контрафактными, я не мог. Именно поэтому меры по комплектации кабинета информатики лицензионными программами Microsoft мной были предприняты только после того, как я был ознакомлен с результатами программно-технической экспертизы. Поскольку никто не взял на себя ответственность за поставку контрафактных программ, впоследствии пакет лицензионных программ Microsoft был закуплен за счет школьного бюджета.

25 мая во время проверки я был предупрежден о **признаках контрафактности** программ на компьютерах кабинета информатики. Тогда же мной была дана расписка *«не использовать и не удалять нелегальные программы...»*

Имея высшее историческое образование, в силу своих административно-распорядительных должностных обязанностей директора школы, по получении представления прокуратуры, я не имел иных полномочий, как издать приказ 45/03 от 30.05.2006 г. о прекращении использования нелегальных программ, указанных в предписании прокуратуры, сообщить об исполнении письмом и сделать необходимые распоряжения по обеспечению сохранности программ для предстоящей экспертизы.

С данным приказом под роспись были ознакомлены должностные лица, ответственные за использование компьютеров.

Сторона обвинения усматривает мой прямой умысел на совершение преступления в том, что *«уже 30.05.2006 года им издан приказ (45/04 - А.П.), разрешающий использование компьютеров, на которых в тот период было установлено программное обеспечение корпорации Майкрософт»*.

Разрешение использовать компьютеры было дано мной во избежание срыва учебного процесса. Нужно было принять экзамен, скопировать документы, созданные в течении учебного года. Сделать это, не применяя программы Microsoft, установленные на компьютерах, - задача технически очень простая. Компьютер может выполнять любые задачи даже при отсутствии жесткого диска.

Суд же при рассмотрении данных приказов вновь отождествил компьютер с программами Microsoft.

Таким образом, я не только не имел умысла на совершение преступного деяния, но и, сохранив в неприкосновенности содержимое жестких дисков, способствовал правосудию в раскрытии вероятного преступления, а также безотлагательно принял меры по восстановлению «лицензионной чистоты» во вверенном мне учреждении.

5. Крупный размер.

Не представлено суду достоверных доказательств в обоснование квалифицирующего признака ч. 2 ст. 146 УК РФ – крупный размер.

В данном вопросе вопреки основным принципам правосудия суд **самостоятельно** проводит расчет ущерба, причиненный корпорации «Майкрософт», при этом в приговоре суда нет ссылки на доказательство, на которых суд обосновывает свой расчет ущерба.

Суд также наделяет себя правами специалиста в области программного пользования, излагая в приговоре суда следующее - *«Работать с одной этой программой практически нельзя, необходимо использование других,*

находящихся на диске». В обоснование данной догмы вновь нет ни одного обоснования (доказательства).

Суд безосновательно признал (но не исследовал) как доказательство **копию** каталога цен на продукцию корпорации «Майкрософт» Некоммерческого партнерства поставщиков программных продуктов.

В данном каталоге нет сведений о дате (периоде) действия цен, в каком регионе РФ цены применяются, наделено ли правом данное Некоммерческое Партнерство устанавливать данные цены.

Указанный каталог не может считаться ни прейскурантом, поскольку нет никаких свидетельств того, что соответствующие товары где-либо и когда-либо реально продавались по этим ценам, ни товароведческой оценкой, поскольку сведения исходят от заинтересованного лица. Таким образом указанные в "каталоге" цифры не могут рассматриваться как цены экземпляров программ, а сам каталог - как допустимое вещественное доказательство чего бы то ни было имеющего отношение к данному делу.

Нужно отметить, что системные и офисные программы фирмы Microsoft являются товарами массового спроса и никакой необходимости в косвенных доказательствах их цены при наличии в одной только Перми целого ряда пунктов их продажи не имеется.

При реализации персональных компьютеров с установленными аналогичными программными продуктами учебным заведениям (школам) есть программы лицензирования, которые процентов на 80 по цене отличаются в сторону снижения от цены для коммерческих организаций.

В судебном заседании 12.02.2007г. директор ООО «Инстар Технолоджи» Кожевникова (изготовитель ПК), допрошенная в качестве свидетеля, представитель потерпевшего Потапов А.В. также подтвердили, что *«при продаже учебным заведениям продукции корпорации Майкрософт предусмотрены специальные цены ниже цен каталогов более чем на 80 %».*

Согласно представленных и исследованных в суде документов (письмо НПО «Индукция» и др.), цены на аналогичное ПО, значительно ниже указанных в каталоге (спецификация к договору поставки ПО от 04.12.2006г.), стоимость необходимого для школы ПО составляет всего **45066 руб.**

Рассчитывать ущерб по полной, «коробочной» стоимости в данном случае более, чем нелогично, т.к. поставка компьютеров была **целевой**, в рамках строительства школы, и с предустановленным программным обеспечением.

То есть реальный ущерб корпорации «Майкрософт», если даже и согласиться, что он причинен противоправными действиями Поносова А.М., **ниже 50000 руб.**, что является самостоятельным основанием для прекращения уголовного преследования.

6. Приговор суда основан на недопустимых доказательствах.

Заключение «эксперта» С.П.Артемова № 24 (л.д. 121-140), получено с нарушением требований ст. 57, ч. 4 ст. 199 УПК РФ.

В деле нет ни одного документа (сведений), подтверждающих, что данный «эксперт» обладает специальными знаниями, в области компьютерной техники, программного обеспечения, программного обеспечения именно корпорации «Майкрософт».

Исследование проводилось вне экспертного учреждения и в силу ч. 4 ст. 199 УПК РФ следователь обязан был разъяснить «эксперту» С.П.Артемову права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ. «Эксперт» С.П.Артемов не был предупрежден об уголовной ответственности, предусмотренные ст. 307, 310 УК РФ. Эксперт как специальный субъект несет уголовную ответственность в случае совершения общественно опасных деяний, подпадающих под действие ст. 307, 310 УК РФ.

В постановление следователя о назначении экспертизы нет подписи эксперта, данный факт подтвержден им показаниями в суде. В постановление фигурирует фамилия вообще другого эксперта, некто «Артему С.П.»! Заключение эксперта скреплено печатью ООО, руководителем которой также является сам Артемов.

Вывод о «контрафактности» программ делается, в частности, на основании отсутствия сертификатов, голограмм, хотя на экспертизу были предоставлены всего лишь НЖМД.

Нужно отметить, что предоставление «экспертом» подобных сведений является недопустимым при проведении экспертизы, на это указывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах»

«15. При назначении экспертизы в связи с необходимостью исследования объектов авторского права и (или) смежных прав суды должны соблюдать требования о недопустимости привлечения в качестве экспертов или специалистов лиц, связанных трудовыми или договорными отношениями с правообладателями. В случае необходимости получения информации о специальных формах защиты объектов авторского и смежного права (специальные метки на дисках, художественных произведениях и т.д.), которые известны только правообладателю, его сотрудники и иные связанные с ним лица могут быть вызваны в суд только в качестве свидетелей.

Понятие контрафактности экземпляров произведений и (или) фонограмм является юридическим. Поэтому вопрос о контрафактности экземпляров произведений или фонограмм не может ставиться перед экспертом.»

Между тем данные вопросы поставлены следователем, и послушно исследовались «экспертом».

«Эксперт» С.П.Артемов указал в фабуле экспертизы и подтвердил в судебном заседании, что не владеет познаниями в оценочной деятельности, в том числе в оценке интеллектуальной собственности, не имеет лицензии, либо

какого-то разрешения на данный вид экспертизы. Тем не менее, вопрос о размере ущерба (оценки) им исследован, причем в обосновании расчетов использовалась **копия** каталога цен на продукции Майкрософт Некоммерческого партнерства Поставщиков программных продуктов. Данный документ, исходя из данных в постановлении следователя и заключении «эксперта», не был направлен на исследование эксперту.

Из «экспертизы» следует, что контрольная сумма md5 для каждого жесткого диска не рассчитывалась, что недопустимо при проведении программно-технической экспертизы.

Весьма странным представляется также и список программных продуктов, представленный «экспертом». Например, на одном и том же НМЖД «сосуществуют» две версии программы Microsoft Office Professional XP или Microsoft Office Professional XP вместе с Microsoft Office Outlook (входит в пакет MS Office).

Нижеуказанные следственные действия также проведены с нарушением норм 166-168, 180, 182 УПК РФ:

Протокол обыска (выемки) от 22.08.2006г. (л.д. 46-47). При совершении данного следственные действия отсутствовали понятые (показание в суде свидетелей ***, ***, протокол судебного заседания от 03.05.2007г.). В силу специфики расследования данной категории дел, в обязательном порядке при производстве выемки, должны были использоваться технические средства, участвовать специалист, данные с ПК перенесены на бумажный носитель. На деле же при производстве выемки упаковка и опечатывание системных блоков не производилась, часть системных блоков (6 шт.), увезли в день выемки, остальные блоки по просьбе работников прокуратуры были доставлены через несколько дней самим директором школы.

При производстве осмотра предметов (Протокол осмотра предметов л.д. 107-114) не применялись технические средства, позволяющие идентифицировать каждый жесткий диск, его принадлежность к конкретному изъятому системному блоку. Участвующий в осмотре предметов в качестве **«специалиста»** Пугин Д.А., в обвинительном заключении значится как **свидетель**, допрошен в суде в качестве **свидетеля**, имеет образование техника-строителя, не имеет специального образования (познаний) и опыта работы в компьютерно – техническом исследовании.

В силу ст. 75 УПК РФ недопустимое доказательство - заключение эксперта Артемова, протокол обыска (выемки), протокол осмотра предметов, должны быть исключены из перечня доказательств и они не могут быть положено в обоснование приговора суда.

С учетом изложенного и руководствуясь ст. ст. 46, 49, 50 Конституции РФ, ст. ст. 402, 408, 409 УПК РФ прошу суд надзорной инстанции отменить Приговор Верещагинского районного суда от

07.05.2007г., Кассационное определение Пермского краевого суда от 14.06.2007г., Постановление Пермского краевого суда об отказе в удовлетворении надзорной жалобы от 18.12.2007г., производство по данному уголовному делу прекратить.

11.06.2008 г.

А.М. Поносов